

Н. Попова

КОНГРЕГАЦИЯ

ТЪМА ВЕКА СЕГО

Книга 1

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П58

Попова Н.

П58 Тьма века сего. Книга 1 / Н. Попова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 534 с. — (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-11784-7

Германия, 1415 A.D. В Констанце в самом разгаре XVI Вселенский собор: европейские правители и духовенство впервые смогли объединиться для решения проблемы Папского раскола. Все внимание приковано к эпохальному событию, каждый день балансирующему на грани срыва, все силы Конгрегации и Империи сосредоточены на том, чтобы довести дело до конца. Однако ежедневной службы никто не отменял, и инквизитору первого ранга Курту Гессе предстоит разобраться, что же вот уже целый год творится в лесах вокруг далекого Богом забытого городка.

BIC FM

BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11784-7

© Надежда Попова, текст, 2021

© Анастасия Белецкая, обложка, 2021

© Т8 RUGRAM, оформление, 2024

© РИПОЛ классик, оформление, 2024

*Induite vos arma Dei, ut possitis stare
adversus insidias diaboli, quia non est nobis
conluctatio adversus carnem et sanguinem,
sed adversus principes et potestates adversus
mundi rectores tenebrarum harum, contra
spiritalia nequitiae in caelestibus.*

(Eph. 6:11, 12)¹.

¹ Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, ибо наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной (Еф. 6:11, 12).

ПРОЛОГ

Лоренц Бёлер вот уже час разрывался меж чувством долга и жаждой наживы.

Хотя, в общем, это было слишком громко: должен он никому и ничего не был, а называть звучным словом «нажива» вероятный доход было даже смешно. Однако проблема имелась, и решать ее следовало. В первом случае — итогом будут чистая совесть и осознание исполненной миссии, пусть и взятой на себя добровольно (или, что точнее, самовольно), но скорее всего — ни гроша в ответ. Во втором — наверняка несколько монет в награду, но упущенная возможность совершить то, ради чего он и топчет эту землю столько времени и почему наступивший 1415 год встретил не как все хорошие люди, у домашнего очага, а в пути, едва не замерзнув насмерть.

Лоренц вздохнул, опустив взгляд на стол перед собою. Последних денег как раз и хватило на миску невнятного кашеобразного варева и кружку бурды, которую полагалось называть пивом. В общем, на этом и запасе сухарей в сумке можно было протянуть еще сутки, а там, может, и подвернется что-то... На посетителя, уже полчаса занимающего стол с пустой посудой, хозяин начинал коситься уже откровенно враждебно, и вскоре Лоренца наверняка попросту выставят отсюда, а значит — решать надо быстро.

Он исподволь оглядел залу, оценивая присутствующих. Двое за столом у двери — крепкие, загорелые мужики средних лет — точно крестьяне. Едят спокойно, обстоятельно, после трапезы явно не намерены задерживаться, встанут и уйдут. Одиноким молодой путник за столом слева — похоже, наемник, причем удачливый: экипировка небедная, снеди на столе было, судя по оставшимся тарелкам, в достатке. Хотя, возможно, парню просто повезло хорошо пристроиться на постоянное место, и здесь он проездом по делам своего нанимателя. У стены напротив — поджарый, как охотничий пес, немолодой горожанин, судя по добротной одежде и оружию — похоже, из ратманов; тоже

в одиночестве и тоже, кажется, не намерен засиживаться. Справа — тоже городские, семейство с двумя детьми-подростками...

Н-да. Здесь вряд ли стоит ожидать особенно теплого отклика...

«Non necesse habent sani medicum, sed qui male habent, non enim veni vocare iustos, sed peccatores¹»...

Лоренц повторил это трижды, не столько убеждая самого себя, сколько настраиваясь на нужный лад, и, поднявшись, подошел к владельцу трактира. Вопреки ожиданиям, в ответ на его просьбу хозяин не стал хмуриться и ворчать, а лишь пожал плечами, отмахнувшись и пробормотав что-то в духе «да ради Бога». Лоренц благодарно кивнул, возвратился к своему столу, уселся на скамью спиной к столешнице, уже чувствуя всей кожей, как начали коситься в его сторону посетители. Не смотря по сторонам, дабы невзначай не встретиться ни с кем взглядом, он неспешно взял лютню, так же неторопливо уселся, утвердив инструмент на коленях, медленно перевел дыхание и закрыл глаза.

Следить за тем, куда становятся пальцы и какой именно струны они касаются, давно было ни к чему: эту мелодию Лоренц сыграл бы, наверное, даже оставшись слепым и вдобавок глухим, а петь так было намного легче. Так он не видел лиц вокруг и не слышал разговоров, которые никогда не смолкали, так он почти переставал видеть и слышать даже самого себя. Он видел и слышал реки — горные и равнинные, широкие поля и глухие непроходимые леса, шумные города и тихие деревни, битвы далекого прошлого и победы недавних лет, людей — множество людей этой земли, горожан, крестьян, рыцарей, каждый из которых на своем месте и держит на плечах часть того огромного дома, что зовется Империей...

Лоренц пел, как в последний раз. С этой песней всегда было так — всегда не видя никого и не слыша ничего, и всегда — как в последний раз, словно с последним словом, с последним звуком, с последней нотой ему предстояло упасть замертво, и эти слова и ноты — единственное, что должно было остаться после

¹ Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (лат.).

него в этом мире. И когда последний отголосок затихал вокруг, Лоренц всегда еще долго сидел, не открывая глаз и не глядя ни на кого, слушая исчезающие в воздухе отзвуки, почти чувствуя их, почти видя...

Потом он начинал слышать звуки вокруг. Иногда это была тишина, нарушаемая лишь чьим-то покашливанием или стуком ложки о миску, или шепотом, иногда голоса вокруг продолжали звучать таким же ровным гулом, как и прежде, до того, как пальцы шпильмана коснулись струн, иногда ненадолго стихшие разговоры тут же начинались снова. Потом Лоренц открывал глаза, но на слушателей по-прежнему не смотрел и с просьбами одарить певца монеткой после этой песни никогда не обращался.

Сегодня, как и всегда, он просто отвернулся, неспешно подобрал свою сумку и забросил лютню на плечо. Когда за спиной скрипнула по полу скамья и зазвучали приближающиеся шаги, Лоренц подобрался, ожидая чего угодно, и в мыслях мелькнуло позорно испуганное «будут бить».

— Сильно, — коротко сообщил голос над головой, и на стол перед ним упали несколько грошей.

Лоренц смятенно пробормотал благодарность, однако парень, похожий на наемника, его уже не слушал — молча развернувшись, направился к двери и вышел вон. Он торопливо подобрал и спрятал монеты, поднялся, поправил на плече сумку и тоже двинулся к выходу, все так же не глядя по сторонам.

— Эй.

Лоренц вздрогнул, остановившись, и медленно обернулся на голос одинокого горожанина у дальней стены. Тот кивнул, подзывая шпильмана к себе, и он неохотно приблизился, на всякий случай готовясь в любой момент дать деру.

— Присядь, — повелел горожанин, и Лоренц шлепнулся на скамью напротив, запоздало удивившись тому, что не пришлось в голову послушаться или хотя бы задуматься над тем, стоит ли подчиняться.

Смотреть в сторону и дальше было уже неучтивым, и он с усилием поднял глаза к незнакомцу. Вблизи стало видно, что одинокий посетитель заметно старше, чем показалось вначале — лет под пятьдесят, и теперь Лоренц заметил, что для простого знат-

ного горожанина у него уж слишком загорелое и обветренное лицо, да и неровный широкий рубец, пересекающий правую бровь, вряд ли был оставлен сковородкой ревнивой жены. Взгляд у незнакомца был неприятный, острый и пронизывающий, точно зимний сквозняк.

— Чья песня? — без предисловий спросил тот, и Лоренц насто-роженно отозвался:

— Моя...

Незнакомец одобрительно и, как показалось, чуть удивленно кивнул и коротким движением придвинул к нему два чуть потемневших талера.

— Твоё, твоё, — подбодрил он, когда Лоренц замялся, не решаясь взять. — Хорошая песня. Правильная. Нужная.

— Так мне еще не говорили, — неловко улыбнулся он, спрятав деньги. — Что «нужная».

— Да? А как говорили?

— Ну... Говорили «красивая» или «душевная»... Или «бездарная».

— Она необычная, — отозвался незнакомец уверенно. — Не по правилам. Слова согласно предписаниям стихосложения принято нанизывать, а ты ими жонглируешь. И язык простой, любому рыболову понятный. У кого другого с таким подходом, может, вышла бы кабацкая пошлятина, но у тебя талант... И играешь не плектрумом, а всеми пальцами — как будто не одну мелодию выводишь, а две или три, от того такую песню и не хочешь — а запомнишь... Как звать?

— Лоренц Бёлер.

— Из чьей гильдии?

— Я... — пробормотал он и, помявшись, договорил: — Ни из какой. Я сам по себе.

— Выгнали? — бледно улыбнулся незнакомец.

Улыбка у него оказалась столь же колючей, как и взгляд, и Лоренц поежился от почти физически ощутимого холода, с тоской покосившись на дверь.

— Нет, я... Я не вступал даже, — неуверенно ответил он. — Никаких тайных знаний у них для меня нет, все гильдейские секреты давно всем известны, надо только не лениться и учить.

Я и изучил. Но вот эту песню, вы правы, писал не по правилам, а как мне показалось лучше.

— Много у тебя таких в запасе?

— Эта единственная, — смущаясь и удивляясь собственной откровенности, сожалеюще вздохнул Лоренц. — Есть-то тоже что-то надо... За истории о рыцарях или народные побасенки платят неплохо.

— А за эту?

— Где как, по-всякому бывало...

— Тебя еще нигде за нее не побили? — хмыкнул незнакомец, и Лоренц невольно улыбнулся в ответ:

— Однажды было дело... Но не за саму песню: это случилось под Нюрнбергом, и напали гильдейские. Не понравилось, что чужак-одиночка у них хлеб отбивает...

— Хочешь сказать, что в целом тебя с этой песней принимают благосклонно?

— Мне кажется, людям нравится. Не все об этом прямо говорят, но мне кажется, я многих заставляю задуматься. Это уже немало.

— Тебе сколько лет? — с таким сочувствием в голосе спросил незнакомец, что он растерялся, не зная, как реагировать.

— Девятнадцать... — ответил Лоренц не сразу. — А что?

— Я правильно понял, ты это свое творение несешь, как повесть, и для этого именно в путь и пустился?

— Но кто-то же должен...

Собеседник коротко усмехнулся снова, и на сей раз теплоты в его лице было куда больше, хотя Лоренц был уверен, что улыбался он каким-то своим мыслям или воспоминаниям, а вовсе не ему.

— Действительно, — согласился незнакомец уже серьезно. — Ты в город или из города?

— Из города.

— Вернись, — велел тот и аккуратно выставил на столешницу столбик из пяти талеров. — Это чтоб тебе было где остановиться и чтоб не помереть с голоду.

— Не понимаю... — окончательно растерявшись, пробормотал Лоренц. — Зачем мне туда снова? Что я там должен делать?

— Найди там дом Клауса Месснера.

— Это же...

— ...местный обер-инквизитор, да, — договорил незнакомец, когда он запнулся. — Найди его дом и поговори с ним.

— О чем?

— Ты хочешь, чтобы тебе не пришлось тратить время и силы на то, чтобы заработать пару лишних грошей историями про рыцарей и страдающих дам? Не предпочел бы израсходовать это время и эти силы на то, чтобы лишний раз донести до людей то, что хочешь? Чтобы появилась возможность создать хотя бы еще одно такое же творение, как это? Не думая о том, что будешь есть завтра, хватит ли средств на ночлег? Хочешь, в конце концов, узнать однажды, что слова твоей песни знает и рыцарь в Вестфалии, и крестьянин в Богемии?.. Словом, решай, — подытожил незнакомец, поднявшись и забросив на плечо стоящую у его ноги дорожную сумку. — Можешь оставить эти деньги себе и идти дальше своей дорогой, их ты в любом случае заслужил. А можешь сделать, как я говорю, и не зарывать талант в землю.

— Погодите! — не слишком учтиво схватив уходящего собеседника за руку в потрепанной поводьями перчатке, торопливо окликнул Лоренц. — А что мне ему сказать-то? Я же не могу вот так вломиться к обер-инквизитору с улицы и начать что-то там рассказывать. Что я должен сказать, кто меня к нему послал?

— Скажи — «фон Вайденхорст велел зайти», — аккуратно, но непреклонно высвободив руку, ответил незнакомец. — Он поймет.